

рѣть наши глаза, когда Твои закрыты, какъ могутъ наши уста болтать дурное, когда Твои замкнуты и безгласны?» (Изъ разск. Леонида Андреева «Иуда Искариотъ»).

Господи, прости!

И когда на слѣдующее утро я стоялъ въ церкви и опять смотрѣлъ на темный образъ надъ алтаремъ, передъ глазами вставало Его мертвое Лицо, Его страданіе и кровь.

И когда торжественнымъ аккордомъ пронесся возгласъ «Господи, помилуй»,

— я не могъ удержаться отъ слезъ. Сердце щемило отъ боли.

Но съ мучительной мыслью о Его распятіи и смерти подымалась изъ сердца и росла ликующая радость, побѣдная радость с Его Воскресеніи.

Смерть не удержала Того, Кто обвинить былъ плащаницею. Изъ гроба черезъ смерть возсталъ Онъ, смертию смерть поправъ!

Христосъ воскресъ!

С. А.

О христіанскомъ гуманизмѣ*)

Для большинства нашихъ современниковъ Христіанство и гуманизмъ представляются чѣмъ-то несомѣстимымъ. Наше Православное возрожденіе отталкивается отъ гуманизма, утверждаетъ себя какъ нѣчто противоположное антихристіанскому гуманизму. Пораженіе гуманизма кажется торжествомъ Христіанства и обратно. Гуманизмъ въ эпоху краткаго, но бурнаго существованія, дѣйствительно, былъ преимущественно движеніемъ антихристіанскимъ. Такимъ онъ проявилъ себя не только въ 18 и 19-въ вѣкахъ, когда онъ сталъ опредѣленно антихристіанскимъ, но и въ самомъ первомъ своемъ расцвѣтѣ, въ 15-мъ столѣтіи, онъ обнаружился, какъ сила отрицательная. Однако, можно и должно говорить о гуманизмѣ христіанскомъ, ибо гуманизмъ по своему происхожденію есть явленіе христіанское. Антихристіанскій моментъ не входитъ съ необходимостью въ содержаніе и сущность гуманизма. Нельзя забывать, что Пушкинъ, Достоевскій были великими гуманистами.

Что такое гуманизмъ? Гуманизмъ дѣлаетъ особое удареніе на человѣкъ, человѣческой личности, человѣческомъ творчествѣ. Это удареніе можетъ быть такъ сильно, что подчеркиваніе красоты и достоинства человѣческой личности, силы и значенія человѣческаго творчества превращается въ ударъ, направленный противъ Бога, — человѣкъ противопоставляется Богу. Тогда гуманизмъ становится безбожіемъ. Но гуманизмъ можетъ развиваться и внутри религіозной сферы цѣнностей, можетъ существовать въ Христіанствѣ. Тогда это удареніе на человѣкъ противопоставитъ человѣка силамъ природы, социальному порядку, построенному на порабощеніи человѣческой личности.

Говоря о гуманизмѣ, слѣдуетъ отличать гуманизмъ творческій и гуманизмъ каритативный, альтруистическій. Они связаны съ двумя различными отбѣнками въ пониманіи человѣческой личности. Можно подходить къ ней съ утвержденіемъ силы, красоты, жизни этой человѣческой личности — таковъ гуманизмъ эпохи Возрожденія, — или же относиться къ человѣку, какъ существу страдающему и гиб-

*) Запись бесѣды Г. П. Федотова въ «Воскресномъ собраніи».

нушему, звать къ сочувствію, къ любви — это гуманизмъ каритативный, гуманизмъ состраданія («гуманность»). Каритативный гуманизмъ не свойствененъ гуманизму эпохи Возрожденія. Послѣдній жестокъ къ человѣку. Но Франція 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, какъ Россія въ теченіе всего 19-го вѣка, создала литературу преимущественно каритативнаго гуманизма. Сейчасъ, когда идетъ бой противъ гуманизма, удары направляются и по той, и по другой линіи — и противъ творческаго утвержденія личности, и противъ состраданія къ человѣку. Нашу эпоху характеризуютъ, какъ эпоху крушенія гуманизма. Дѣйствительно, удары противъ гуманизма сыплются со всѣхъ сторонъ. И религіозныя, и антирелигіозныя теченія объединяются въ оппозиціи противъ гуманизма. Гуманизмъ, несомнѣнно, умираетъ, но смерть его отнюдь не обозначаетъ торжества религіи и Христіанства. На развалинахъ гуманизма утверждаетъ или стремится утвердить себя культура антигуманистическая, противочеловѣческая, но безбожная.

Современная цивилизація пронизана антигуманистическими началами. Они торжествуютъ въ современной техникѣ; они поработаютъ личность, безмѣрно усложняютъ жизнь, развязываютъ силы природы, прежде служившія человѣку и сейчасъ уже не желающія ему покоряться. 19-ый вѣкъ видѣлъ въ техническомъ прогрессѣ путь къ комфорту, вѣрилъ, что благодаря техникѣ жизнь станетъ удобной и легкой. Но техническій прогрессъ поставилъ человѣка къ машинѣ, потребовалъ огромнаго увеличенія энергіи, непосильнаго труда, принесъ все возрастающее безуміе темповъ, превратилъ жизнь и пролетаріевъ, и капиталистовъ въ постоянную тревогу и напряженіе.

Искусство есть по преимуществу сфера свободы человѣка. Но въ современномъ искусствѣ какъ разъ особенно ясно

презрѣніе къ человѣку. Въ живописи это сказывается въ исчезновеніи портрета. Гуманистическая эпоха не имѣла иконы, и портретъ былъ высшимъ выраженіемъ ея живописнаго идеала, ея словомъ о человѣкѣ. Портретная живопись достигаетъ предѣльнаго совершенства у Веласкеза и Рембрандта. Классическій портретъ стремился разгадать и рассказать самое заветное, самое глубокое въ человѣкѣ, запечатлѣть человѣческое лицо въ его индивидуальности. Современный художникъ трактуетъ лицо, какъ *nature morte*: какъ сапоги, какъ кусокъ мяса; глубина, психическое содержаніе, стоящее за лицомъ, сознательно отрицаются; лицо ничего не выражаетъ, — это только опредѣленное сочетаніе плоскостей и линій. Въ современныхъ исканіяхъ живописи идетъ борьба противъ сюжетности, содержанія, такъ какъ сюжетъ, содержаніе — нѣчто привносимое человѣкомъ; единственной темой живописи должно быть пространство и краски. Раньше въ центрѣ картины, помимо портрета, стоялъ человѣкъ въ отношеніи къ природѣ (пейзажъ), въ отношеніи къ окружающей средѣ (жанръ), исторіи; сейчасъ — исключительно пространственные формы безъ всякаго психическаго содержанія.

Въ музыкѣ также борьба съ психологизмомъ. Старая музыка стремилась выразить настроенія, чувства. Сейчасъ открыты въ музыкальномъ произведеніи молодого художника слѣды настроеній, чувствъ, значитъ обвинить его въ реакціонности. Музыка хочетъ быть чистымъ искусствомъ звуковъ и только звуковъ. Она обращается только къ уху и къ стоящему за ухомъ царству звуковыхъ формъ, можетъ быть, выразимыхъ математически, но лишенныхъ какой бы то ни было связи съ чувствами, съ радостью и страданіемъ человѣка.

Въ философіи борьба съ человѣкомъ, извѣстная подъ именемъ борьбы съ пси-

хологизмомъ, началась еще задолго до того, какъ она проникла въ сферу искусства. Съ наибольшей остротой эта философская борьба противъ человѣка въ философіи велась въ такъ называемомъ неокантіанствѣ. Идеалистическая философія стремится исключить человѣка, какъ познающую личность, и хочетъ построить міръ, исходя изъ самаго познанія, изъ чистыхъ формъ познанія. Въ стремленіи къ преодолѣнію психологизма, особенно въ научномъ творчествѣ, есть правда, которой никто не отрицаетъ. Но нужно признать и то, что въ результатъ преодолѣнія психологизма въ мірѣ уже нѣтъ мѣста человѣку. Природа, минуя человѣка, соединяется съ царствомъ идей, идеи непосредственно и плотно налегаютъ на вещи, и для человѣка уже не остается мѣста. Душа распалась на рядъ автономныхъ сферъ, объективныхъ цѣнностей — моральныхъ, эстетическихъ и иныхъ, человѣческое же «я» стало проблематичнымъ.

Современный человѣкъ, особенно молодежь, утверждаетъ себя въ спортѣ. Въ спортѣ какъ будто можно видѣть утвержденіе тѣла, воскресеніе идеи гармоническаго развитія тѣла. Но въ дѣйствительности и въ спортѣ человѣкъ приносится въ жертву. Движущимъ мотивомъ спорта является совсѣмъ не античный идеаль гармонически развитаго тѣла. Тамъ, гдѣ царить рекордсменъ, не можетъ быть и рѣчи о гармоническомъ развитіи. Задача спорта сводится къ тому, чтобы добиться изъ человѣческаго тѣла максимальнаго эффекта энергіи, въ какомъ-нибудь одномъ направленіи, — добиться максимальной длины прыжка, максимальной выносливости ногъ и т. д. Здѣсь есть какое-то странное соотвѣтствіе съ фабрикой, которая тоже стремится извлечь максимальное количество мускульной силы. Для того, чтобы добиться цѣли, поставить рекордъ, человѣкъ готовъ изуродовать себя.

Человѣческая личность приносится въ жертву случайной задачѣ, интересы человѣка отрицаются во имя интересовъ коллектива — «команды», «клуба» и т. д. Судьба спортсмена глубоко трагична, — онъ, въ концѣ концовъ, обреченъ на то, чтобы надорваться, погибнуть въ достиженіи рекорда. Можно было бы подумать, что спортсмены одержимы жаждой славы... Но ими движетъ не мотивъ славы, а стремленіе къ достиженію именно объективной цѣли. Что заставляетъ предпринимать полеты въ стратосферу, рисковать жизнью въ автомобильныхъ гонкахъ? Совсѣмъ не мотивъ славы, а нѣчто иное. Человѣкъ и здѣсь оказывается подчиненнымъ стихіи, стихіи скорости, пространства, или количества вообще.

Одно изъ характерныхъ явленій нашей эпохи — помраченіе любви или даже гибель любви, — именно, эротической любви. Животность, чувственность въ человѣкѣ, конечно, остались, но любовь, какъ любованіе личностью другого, влюбленность, поклоненіе любимому или любимой, отсутствуетъ. Не говоримъ уже о романтической любви. Не нужно быть романтикомъ, чтобы знать и чувствовать романтическую любовь. Шекспиръ не былъ романтикомъ и тѣмъ не менѣе написалъ «Ромео и Юлію». Но именно Ромео и Юлія невозможны въ наше время. Взрывы страстей, доводящіе до преступленія, происходятъ и въ наше время, но любовь, какъ служеніе, какъ подвигъ, когда въ расцвѣтѣ напрягаются всѣ силы души, отмираетъ.

Православная аскетика говоритъ о трехъ сферахъ въ человѣческомъ существѣ — духъ, душа и тѣло. Для современности характерно именно отмираніе человѣческой души, отмираніе или замираніе срединнаго элемента въ человѣкѣ, открывающагося преимущественно, какъ начало эмоціональное, чувствующее. Но съ эмоціональной стороной

связанъ цѣлый рядъ другихъ проявленій челоука въ области интеллекта и другихъ психическихъ силъ. Волевая дѣятельность челоука коренится въ духѣ; она менѣе всего связана съ чувствомъ, поэтому она менѣе угрожаема, умираетъ эмоціонально-познавательный комплексъ, срединная, душевная сфера челоука.

Возникаетъ рѣзкое, крайнее развитіе полюсовъ: на одной сторонѣ грубое одностороннее развитіе тѣла, на другой, крайнее развитіе духа. За счетъ гибнущей душевности развивается не только матеріализмъ, но и спиритуализмъ. Для нашего времени увлеченіе спортомъ столь же характерно, какъ и увлеченіе ясновидѣніемъ, умноженіе всевозможныхъ маговъ, развитіе оккультныхъ ученій. Съ этимъ связано огромное вліяніе на современную жизнь индуизма, распространеніе практики йогвъ, и, съ другой стороны, различныхъ системъ чисто медицинскаго примѣненія культуры духа къ леченію тѣла. Почти вся современная медицина приходитъ къ признанію значенія духовнаго начала и къ использованію его для леченія тѣла. Современный челоукъ не рабъ тѣла; онъ сознаетъ свою власть надъ тѣломъ и пользуется ею. То, что раньше казалось чудомъ, — преодоленіе духомъ пространства, духовное видѣніе на разстояніи, и т. д., — становится обычнымъ явленіемъ. Недавно сообщалось о женщинѣ, которая можетъ безъ аппарата воспринимать волны радіо; обиліе всевозможныхъ знахарей, предсказателей, ясновидящихъ — свидѣтельствуетъ о массовомъ нарастаніи людей съ развившимися силами духа. Челоукъ становится духовно - животнымъ существомъ безъ души, — страшное сочетаніе, открывающее возможность необыкновенныхъ уродствъ и извращеній. Типъ мага-челоука съ сильно развитой чувственностью, служащаго только своимъ страстямъ и вмѣстѣ служащаго имъ средствами своей незаконно развитой

духовной жизни, становится обычнымъ въ наше время.

Какъ же этотъ разрывъ духа и тѣла сказывается въ Христіанствѣ? Христіанство есть дѣло богочелоуческое и, слѣдовательно, не можетъ пренебречь душой челоука. Но признаки безчелоучности духовности проникаютъ и въ новыя христіанскія воззрѣнія, въ разныхъ исповѣданіяхъ. Въ протестантизмѣ это съ особой силой обнаружилось въ бартіанствѣ. Въ немъ очень остръ антигуманизмъ и даже начало безчелоучности, кальвиновское начало. Кальвинъ былъ однимъ изъ непримиримыхъ враговъ гуманизма. Если обратиться къ православной средѣ, то давно уже ощущается, что наше православное возрожденіе свернуло на линію антигуманизма. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Борьба съ психологизмомъ все замѣтнѣе проявляется въ православной религіозности и не только въ области философіи. Сейчасъ многіе изъ насъ не переносятъ пѣнія и чтенія съ выраженіемъ. Конечно, подчеркнуто выразительное чтеніе непереносимо, но борьба ведется не съ нимъ, а даже съ минимальной степенью выразительности, съ наличіемъ нѣкотораго личнаго лиризма, личныхъ переживаній въ отгнкахъ голоса. Многіе возмущаются, если священникъ при совершеніи литургіи чѣмъ-нибудь обнаружить свою челоучность, проявить свое, личное религіозное вдохновеніе. Все должно быть обвѣяно нѣкоторымъ холодкомъ, прсникнуто безстрастной сдержанностью, все должно быть только объективнымъ выраженіемъ идеальной сущности. Разумѣется, невозможно требовать, чтобы всѣ и все читали съ выраженіемъ, но когда боязнь выразительности приводитъ къ деревянному чтенію, — это ярко выраженный моментъ антипсихологизма. Челоуческое чувство должно звучать въ молитвѣ, хотя бы цѣломудренно приглушенное. Другой примѣръ. Какъ-то при-

шлось спросить одного знакомого, стоявшего в очереди у исповѣди, у какого священника онъ думаетъ исповѣдываться. Онъ подчеркнуто - холодно отвѣтилъ: «Я не психологизирую таинства исповѣди», — очевидно, разумѣя подъ психологизацией установленіе личнаго отношенія между духовникомъ и исповѣдникомъ. Вступленіе въ общеніе съ человѣкомъ, это — психологизмъ. Конечно, исповѣдь въ своихъ благодатныхъ дарахъ отъ качествъ человѣка - священника не зависитъ, но отсюда еще далеко до того, чтобы считать не религіознымъ, не православнымъ наличие личнаго момента въ исповѣди, какъ это прозвучало въ отвѣтъ моего собесѣдника. Съ этой точки зрѣнія, изъ молитвы должны быть изгнаны слезы, личная молитва, словомъ, все, имѣющее отбѣнокъ личнаго, эмоціональнаго, человѣческаго. Эти мотивы очень сильны въ евразійствѣ. Евразійство, какъ религіозное теченіе, чрезвычайно интересно — именно своей безчеловѣчностью. Въ религіозной жизни евразійство изгоняетъ всякое волненіе, отвергаетъ расплавленность души, умиленіе; въ конечномъ итогѣ — остается только магизмъ таинствъ, обрядовъ, священнодѣйствій. Но антипсихологизмъ встрѣчается всюду, гдѣ религіозная жизнь строится на уставности.

Въ практикѣ и идеологіи современнаго монашества основное удареніе ставится не на борьбѣ противъ плоти и тѣлесныхъ искушеній, а на борьбѣ противъ души и душевности. Если сравнить отеческую проповѣдь съ проповѣдью нашихъ современниковъ, то окажется, что для современнаго монашества душа гораздо болѣе страшный врагъ, чѣмъ тѣло. Тѣлу, наоборотъ, готовы оказать снисхожденіе, предоставить нѣкоторыя поблажки. Тѣлесныя слабости, съ точки зрѣнія современнаго монашества, даже имѣютъ благое значеніе, могутъ содѣйствовать развитію смиренія. Тѣлесныя страсти не такъ опасны,

какъ душевныя, потому что въ душѣ коренится человѣческая личность. Такого типа аскетическая проповѣдь предостерегаетъ и отъ увлеченія любовью къ ближнимъ, какъ будто здѣсь заключается главное искушеніе для современнаго человѣка. Новое аскетическое благочестіе имѣетъ жестокий характеръ: беспощадное къ душѣ, оно беспощадно и къ человѣческой личности. Проповѣдники новаго Христіанства съ презрѣніемъ говорятъ о «розовомъ Христіанствѣ» прошлаго, Христіанствѣ любви къ ближнему. Новое Христіанство должно быть мистически бѣлымъ или — что все равно — чернымъ, ибо черный цвѣтъ монашества на вершинахъ долженъ преложиться въ бѣлый. Человѣческая личность должна быть принесена въ жертву. Она должна быть подвергнута переплавкѣ подъ высокимъ давленіемъ, чтобы изъ нея въ бѣломъ пламени выплавилось духовное существо, — такъ въ смыслъ духовной жизни въ пониманіи современной аскетики. Такая духовность безразлично относится къ человѣческимъ бѣдствіямъ. Она почти не знаетъ состраданія, считаетъ нехристіанской борьбу противъ источниковъ страданій и соціальной неправды. Наоборотъ, новый аскетизмъ утверждаетъ то, отъ чего отвращается любовь, какъ нѣчто духовно цѣнное и значительное. Онъ утверждаетъ войну, такъ какъ она ведетъ къ преодолѣнію гуманизма, розоваго Христіанства: въ коренномъ раздвоеніи она ведетъ или къ просвѣтлѣнію подлиннаго существа, или къ гибели. Этотъ аскетизмъ имѣетъ большую привлекательность и для жестокихъ эстетовъ типа К. Леонтьева.

Современный идеалъ Христіанства есть по преимуществу идеалъ монашескій. Для монашескаго идеала основной смыслъ и содержаніе дѣланія — преодоленіе тѣла и души во имя обожествленія духа. Этотъ идеалъ входитъ и въ мір-

ской обиходъ. Добротолубіе читается очень широко. Начинають знакомиться съ Христіанствомъ, съ Христомъ не по Евангелію, а по Добротолубію. Нужно учесть во взаимной связи эти два характерныхъ явленія современной религіозной жизни — упадокъ Евангелія и возвышеніе Добротолубія. Это и есть наиболѣе чистое выраженіе антигуманизма. Наше Студ. Хр. Движеніе родилось изъ изученія Евангелія и несло Евангеліе міру, но поэтому оно и «несовременно». Здѣсь причина холодка со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ круговъ къ Движенію и, можетъ быть, неудачи евангельскихъ кружковъ. Люди большого духовнаго опыта и глубины заявляютъ иногда, что Евангеліе — нѣчто мало глубокое и не интересное, что содержаніе евангельской проповѣди такъ элементарно, что и изучать здѣсь нечего; иное дѣло — Добротолубіе. Существенное въ Евангеліи — не ученіе Христова, такъ какъ въ Евангеліи оно дано еще въ простѣйшей, не раскрытой формѣ, а только Божественная Личность Христа, живущая въ Церкви. Аскетическая литература, включая въ себя все существенное въ Евангеліи, даетъ подлинное, глубокое ученіе Христа, а не ту дѣтскую пищу, молоко словесное, что дано въ Евангеліи. Такое отношеніе къ Евангелію,

конечно, не проходитъ даромъ: оно порождаетъ потускнѣніе лика Христова.

Можно утверждать, что въ русскомъ православіи, какъ нигдѣ, былъ запечатлѣнъ ликъ Христовъ, особенно въ первыя времена Христіанства на Руси. Но въ послѣднія десятилѣтія Ликъ Христовъ въ русскомъ православіи тускнѣетъ, и это потускнѣніе по времени совпадаетъ съ современнымъ намъ православно-церковнымъ возрожденіемъ. Все живетъ — богословская литература, аскетическая жизнь, мистика, но только не опытъ созерцанія Лица Христова. Богочеловѣческая Личность, которая должна была бы все связывать воедино, исчезаетъ изъ опыта православно-церковнаго возрожденія. Появились цѣлыя богословскія системы, гдѣ нѣтъ ни одной главы, посвященной Христу и искупленію. Прямымъ послѣдствіемъ этого является для многихъ невозможность и бессмысленность построенія христіанской жизни въ міру. Какъ будто, для современнаго церковнаго возрожденія есть одинъ путь, показавшій, оправдавшій себя — путь монашества, отрыва отъ міра. На немъ возможны срывы, гибель, но онъ — единственный путь истиннаго спасенія; внѣ этого пути все представляется неяснымъ, сомнительнымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отцы и дѣти въ русской эмиграціи

Проблема отцовъ и дѣтей всегда была жгучей проблемой, такъ какъ она связана съ процессомъ творчества жизни. Творческое развитіе жизни предполагаетъ наличие извѣстнаго наслѣдія, накопленнаго достоянія, которое усваивается и по-новому раскрывается и оформляется вступающимъ въ жизнь поколѣніемъ: отношеніе, въ которомъ находится молодое поколѣніе къ старшему, поэтому имѣетъ суще-

ственнѣйшее значеніе. Только въ томъ случаѣ, если между отцами и дѣтьми царитъ внутренняя духовная гармонія, взаимное пониманіе и сотрудничество, осуществляется законъ преемственности, и творческіе порывы молодежи оказываются подлинно созидательными, несутъ преобразование того, что было несовершеннымъ, открываютъ новое, еще неизвѣстное отцамъ.